

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

© 2019 Н.В. МОТРОШИЛОВА, П.В. РЕЗВЫХ

ГЕГЕЛЬ И ШЕЛЛИНГ: ОСМЫСЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Беседа из цикла «Анатомия философии: Реплики», материалы которого публикуются ниже, — это своего рода *case study* — описание и анализ конкретной ситуации, случая, проливающие свет на какие-то важные закономерности, изучаемые в рамках той или иной научной дисциплины. А важность и самого случая, и отраженных в нем закономерностей очевидна. Ведь речь идет о восприятии Французской революции, оказавшей определяющее влияние на всю интеллектуальную атмосферу первой половины XIX века, тремя молодыми людьми, впоследствии на какое-то время ставшими властителями умов всей Европы: двум из них предстояло создать влиятельнейшие философские системы того времени, а третьему — стать основоположником влиятельнейшего литературного направления — философствующего немецкого романтизма. И редакция сочла материал данной беседы не только интересным для читателя, но и профессионально важным для представителей многих научных дисциплин, изучающих формирование культуры и личности.

Мотрошилова Нелли Васильевна —
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник.
Институт философии Российской академии наук.
Российская Федерация, 109240 Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: motroshilova@yandex.ru

Резвых Петр Владиславович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101990 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
Электронная почта: prezvykh@hse.ru

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

Аннотация. Тесная взаимосвязь философии немецкого идеализма с опытом Великой французской революции является одним из важнейших факторов формирования немецкой классической философии. Участники беседы осветили специфику социально-исторической ситуации в Германии конца XVIII — начала XIX века как объективно-историческую проблему и как важнейший фактор восприятия и оценки революции во Франции, проанализировали характер восприятия событий Французской революции в среде студентов Тюбингенского штифта, обсудили вопрос об отношении молодого Гегеля и молодого Шеллинга к лозунгам Французской революции, а также об их возможном участии в деятельности студенческого политического клуба. Особое внимание было уделено рассмотрению процессов переосмысления Шеллингом и Гегелем событий Французской революции после ее завершения, а также анализу форм изживания революционной травмы в позднейшем творчестве обоих философов.

Ключевые слова: Великая французская революция, немецкий идеализм, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.И. Шеллинг, Ф. Гёльдерлин, Тюбингенский штифт.

Ссылка для цитирования: Мотрошилова Н.В., Резвых П.В., Г.В. Гегель и Шеллинг: Осмысление Французской революции // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 120–153. DOI: 10.31857/S023620070005384-9

Участники: Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Организатор проекта и ведущая — Ю.В. Синеокая

Ю.В. Синеокая. Дорогие друзья и коллеги, я рада приветствовать вас на очередной встрече из цикла «Реплики» совместного проекта Института философии РАН и Московской городской библиотеки им. Ф.М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст». Сегодняшняя беседа посвящена осмыслению ряда событий и проблем, обусловленных Французской революцией. Наши гости обсудят эти темы, анализируя их восприятие молодым поколением будущих выдающихся немецких философов. Речь пойдет об особенностях переживания и восприятия Французской революции в Тюбингенском штифте. Будут рассмо-

мом начале их пути они — студенты. Поэтому мы решили рассказать об этом в аудитории, где большинство составляют студенты, так, как это было, полагаем, на самом деле.

Речь пойдет в основном о студентах теологического учебного заведения, за которым закрепилось название «Tübinger Stift», — это было церковное, а именно евангелическое, высшее учебное заведение в городе Тюбингене.

Студентов его тогда называли штифтлерами. Так вот, наши герои приезжают в Штифт. Гегель прибывает туда 27 октября 1788 года, и ему 18 лет. Что касается Шеллинга, о котором будет рассказывать Петр Владиславович, то он вообще ребенок по всем понятиям, ему будет 15 лет, когда он приедет. Можно подробнее рассказывать о том, что до этого было в жизни Гегеля, но у нас на это нет времени. Поэтому очень коротко: Гегель оканчивает гимназию в городе Штутгарт; гимназист он, прямо скажем, средний. Потом в его родной гимназии из него сделали настоящего героя, но учился он там именно средне. О семье, из которой он происходил: его отец был чиновником казначейства — и есть любители назвать его чиновником высокого ранга. На самом деле он был и чиновник средний, и, в общем-то, не столь уж умный и заботливый родитель. Во всяком случае, когда Гегель окончит гимназию, то большой гордостью в семье станет уже то, что он становится стипендиатом герцога Карла-Евгения Вюртембергского, который вообще очень пристально наблюдал за своими штифтлерами. Как именно он это делал, еще предстоит разобраться. Так вот, Гегель приезжает в Штифт, и еще два года он там без своих знаменитых друзей. О Штифте написано очень много, и много говорилось очень плохого, особенно о муштре. Собственно, это было церковное учебное заведение, так что муштры всякой, молитв бесконечных там было очень много. И некоторые выпускники потом только на это и обращали внимание. Так что создается очень мрачное впечатление о Штифте и становится непонятно, откуда же появились все мысли и дела, связанные с Французской революцией. Гегель первым окунается в ту атмосферу и в те события, которые происходят, когда начинается Французская революция. В 1788 году он приехал, а через год, как по заказу, — Французская революция. И штифтлеры до 1793 года, то есть несколько весьма примечательных лет, живут в Штифте, работают, учатся. Чего-то ждут, на что-то надеются — и все это, как говорится, под грохот Французской революции. Как все это было в действительности? К этому очень интересно и важно присмотреться внимательнее. Для начала я хотела бы за Штифт замолвить словечко: не так уж там было все страшно. Муштры в самом деле было много. Но ведь в первые три года в Штифте изучают, как вы думаете, что? Историю философии! Отмечаем: им преподают большой курс философии. Это одно, а второе: в Штифте — замечательная библиотека,

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

Н.В. Мотрошилова. Гёльдерлин — одногодок Гегеля, родился в 1770 году.

П.В. Резвых. Да, он одногодок Гегеля, то есть на пять лет старше, чем Шеллинг. Еще в Нюртингене между Гёльдерлином и Шеллингом сложились дружеские отношения. Гёльдерлин, как старший товарищ, заступался за Шеллинга, когда соученики иногда его поколачивали. Даже на склоне лет, в 1847 году, уже после кончины поэта, Шеллинг в ответном письме Густаву Швабу, приславшему ему издание сочинений поэта, все еще с благодарностью вспоминал: «После моего поступления в Нюртинген Гёльдерлин был мне защитой от старших учеников, столь склонных издеваться над младшими»¹.

Н.В. Мотрошилова. Один из самых важных фактов: ребята приехали из разных мест; Гегель сам не думал, что у него что-то получится в философии, и вот, пожалуй, самое главное из того, что с ним случилось в Штифте. Какое же это было жизненное везение, а именно: эти три человека, которых история уже пометила как гениев, как выдающихся творцов немецкой и мировой культуры, — они несколько лет живут вместе, в одном дортуаре! И оказывают друг на друга очень большое и изначальное для жизни влияние.

Сейчас я вам прочитаю отрывки из дневника Гегеля, и тут многое станет ясным, чем Гегель дышит, что для него важно. И как он неуверен в себе! И он будет неуверен в себе достаточно долго, иногда просто на грани патологии. И как он любит этих двух своих соучеников! Гегель пишет в дневнике 27 июня 1792 года, то есть в ночь накануне дня рождения одного великого человека (28 июня 1712 года родился Жан-Жак Руссо). Вот как Гегель записывает свои впечатления за прошедший день²:

«Поздний вечер, все уже спят. Собственно, сегодня не произошло ничего, что стоило бы записывать. Не считая, может быть, спора с Шеллингом. Но это было уже во второй половине дня. Утром все как обычно — подъем, молитвы из-под палки, еще до того, как кофе согреет тебе сердце и голову. Затем, в комнате, чтение, позднее — повторение, еда и перед всем, и после всего этого — опять молитва... Едва ли хоть одна мысль. Да и лекции Флата для меня всегда пустые». Флат — один из преподавателей Штифта, который гордился тем, что знает работы Канта и рассказывает о них.

«В основе — только его желания спасти свои откровения. Пусть он так много, без умолку, болтает о Канте. Как он сегодня искажал каждое слово “Критики” [имеется в виду “Критика

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

¹ Koschlig-Wiem I. Ein unbekannter Brief Schellings aus Gustav Schwabs Nachlaß // Hölderlin-Jahrbuch 3 (1948/49), Tübingen. 1949. S. 12.

² Оговорю: перевод этого гегелевского текста (оригинал которого опубликован в книге: Lemcke M., Hakenesch Chr. Hegel in Tübingen. Tübingen. S. 63–65) встроено в статью [1].

пью я больше. Курить и пить — вот наша оппозиция, как это ни плачевно». Думаю, какие-то студенты тоже скажут, что это и их оппозиция...

П.В. Резвых. На самом деле, оппозиция в этом действительно была, потому что по правилам внутреннего распорядка в Штифте курить, в принципе, было запрещено, и за этим довольно внимательно следили. Поэтому курение как таковое всегда было знаком афронта. А что касается вина, то слабенькое вино штифтлерам давали в трапезной по воскресеньям.

Н.В. Мотрошилова. Плохонькое вино.

П.В. Резвых. Да, плохонькое. Они все жаловались, что их плохо кормят, что вино дрянное. Посещать городские кафе им тоже запрещалось. Даже кофейню запрещалось посещать, когда они выходили в увольнение за пределы территории Штифта.

Н.В. Мотрошилова. Сказанное, Петр Владиславович, происходило в то время, когда им уже разрешали пить вино. А кто не хотел его пить, тому давали Weingeld, то есть винные деньги. Их можно было пропить вечером, когда студенты выходили за пределы Штифта. Но продолжаю чтение дневника Гегеля: «Средний я, обыкновенный... Шеллинг все же получил от мира больше. Меня слушают только мои друзья, но, видимо, лишь один раз. Гёльдерлин показывал мне сегодня вечером чудесное стихотворение, которое он написал: “Я страдаю, вечно и вечно так”». Петр Владиславович, вы знаете, какое это стихотворение?

П.В. Резвых. Да, это стихотворение написано около 1789 года, Гегель запомнил его первую строчку: «Ich duld es nimmer! ewig und ewig so...» [8, S. 90]. Сам Гёльдерлин не дал ему названия, но издатели снабдили стихотворение заголовком «Гневная тоска» (Zornige Sehnsucht). Его печальное настроение явно очень созвучно тому ощущению неудовлетворенности собой, о котором пишет сам Гегель, потому что Гёльдерлин очень сходным образом описывает в нем свое состояние.

Н.В. Мотрошилова. Так значит, это стихотворение в то время написано? Или чуть пораньше?

П.В. Резвых. Видимо, Гёльдерлин написал его на год или полтора пораньше (стихотворение датировано лишь приблизительно), а позже показал Гегелю. Есть русский перевод этого стихотворения, сделанный в 1960-е годы Соломоном Аптом. Я не буду читать его целиком (оно довольно большое), но в нем, в частности, есть такие строки:

«Кто я тебе сегодня, мой край родной?
Я лишь младенец хилый, которого
В слезах, без веры, без надежды
Мать на руках терпеливых носит
Меня хмельная чаша не тешит, нет,
Мне взгляд не мил лукавой красавицы

Н.В. Мотрошилова,
П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

учился относительно прав человека» [ibid., s. 70–71], а сам «Гимн человечеству» предваряется эпиграфом из «Общественного договора», который гласит: «Границы возможного в области нравственности не так стеснительны, как мы думаем. Она ограничивает наши слабости, наши пороки, наши предрассудки. Низкие души не верят в великих людей: при звуках слова ‘свобода’ рабы делают насмешливую мину» [8, s. 146]. Так что для Гегеля и Гёльдерлина Руссо — общий предмет почитания и воодушевления. Оба они видят в Руссо, отчасти идентифицируясь с ним, человека, в каком-то смысле опередившего свое время, не признанного и даже гонимого современниками; человека, который открыл новый образ нравственной жизни и которого не принимает толпа.

Теперь несколько слов о юном Шеллинге. Шеллинг прибывает в Штифт, действительно, гораздо позже, в 1790 году, причем при экстраординарных обстоятельствах: ему дано разрешение, вопреки всем уставным правилам, поступить в университет до достижения необходимого возраста. Шеллингу всего 15 лет, но отец специально подал прошение герцогу, чтобы ему разрешили держать земельный экзамен, потому что к этому времени он не только закончил всю программу гимназии, но освоил уже и значительную часть программы семинарии, куда отец вынужден был поместить его с 13-летнего возраста (в гимназии ему уже нечего было делать) и где он вместе с более взрослыми студентами-семинаристами начал изучать древнееврейский язык и начала библейской критики. Шеллинг действительно очень отличался от Гегеля и по темпераменту, и по природным задаткам.

Н.В. Мотрошилова. Прямо скажу, он же был вундеркинд!

П.В. Резвых. Да, действительно, стопроцентный вундеркинд. Он очень рано проявил необыкновенные дарования — способности к языкам, удивительную память, незаурядные риторические способности. Надо сказать, что и с социальным окружением Шеллингу больше повезло, чем Гегелю. Отец его был преподавателем семинарии, профессиональным теологом, то есть человеком, в общем, очень образованным. В доме была хорошая библиотека. Но самое важное, конечно, то, что отец и мать постоянно поддерживали его стремительный интеллектуальный рост. Именно поэтому оказалось возможным, чтобы Шеллинг поступил в Тюбингенский штифт так рано. В Штифте он довольно быстро находит для себя круг общения, отвечающий его интересам, прежде всего в лице Гёльдерлина и Гегеля. С Гёльдерлином они были уже знакомы раньше и потому так скоро сблизились, а с Гегелем познакомились, когда оказались поселенными вместе в одной комнате. Очень скоро из этого общения вырастает крепкая дружба. Хотя впоследствии дружба эта была подвергнута очень серьезным испытаниям, сформировавшаяся тогда духовная связь никогда до конца не была ими изжита. Конечно, Шеллинг приходит в Штифт

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

сохранилась; активный обмен письмами между нашими героями начинается позже, в 1795 году. От раннего периода жизни Шеллинга вообще почти ничего не осталось в частных бумагах. Два самых ранних письма, которые сохранились от времени его обучения в Тюбингене, датированы уже 1794 годом (одно из них адресовано студенту старшего курса Циллингу [17, s. 7–12], а другое — Иоганну Готлибу Фихте [17, s. 12]).

Н.В. Мотрошилова. А как у него с девушками обстояло дело?

П.В. Резвых. Насколько я знаю, Шеллинг, отличавшийся крайним честолюбием, в эти годы, в отличие от Гёльдерлина, не был вовлечен в романтические истории.

Н.В. Мотрошилова. Ему было 15 лет и, может, ему было еще не до девушек?

П.В. Резвых. Возможно. О Гёльдерлине мы знаем, что у него и в Нюртингене уже были платонические романы, что он ухаживал за девушками, и небезуспешно. О шеллинговских устремлениях в это время мы вообще мало что знаем. Ясно только одно: он отнюдь не страдал ощущением неуверенности в себе, как Гегель. Правда, Гегель и в более взрослом возрасте...

Н.В. Мотрошилова. Он все время будет такой, мы это увидим.

П.В. Резвых. Да, Гегель был неуверен в себе. У Шеллинга была другая проблема: будучи вундеркиндом, он всегда вел себя достаточно амбициозно и в каком-то смысле претендовал в этом кружке на роль лидера. Как я уже сказал, политическая обстановка в то время, когда Шеллинг там учился, становилась все более напряженной. Судя по разноречивым свидетельствам, в целом среди штифтлеров господствовало большое воодушевление по поводу революционных событий. Разумеется, взрывной эффект произвели прежде всего события 1789 года, однако и позже, в 1792–1793 годах, в то время, от которого мы имеем хоть какие-то документы, явно виден огромный энтузиазм по поводу происходящего во Франции. Мы имеем, например, свидетельство Гёльдерлина, который в письме Эбелю говорит: «Я верю в грядущую революцию умонастроений и представлений, которая заставит покраснеть от стыда все прошедшее. И Германия, верно, сможет внести в это большой вклад» [10, s. 29].

Н.В. Мотрошилова. Это в каком году?

П.В. Резвых. Ну, это, правда, уже чуть попозже, это 1795 год. Но подобные умонастроения активно циркулировали среди штифтлеров и в 1792–1793 годах.

Н.В. Мотрошилова. Давайте скажем позднее о том, что было попозже. А вот сажали ли они это знаменитое дерево свободы или нет? Как было с той «Марсельезой», которую вроде бы — или точно — перевел Шеллинг? Политический клуб — что они там обсуждали?

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

окончании которой снова остановился перед Шеллингом и спросил, сожалеет ли он о случившемся, на что тот якобы ответил: «Ваша Светлость, мы все ошибаемся по-разному» [ibid., s. 31–32]. По-немецки этот ответ Шеллинга звучит очень двусмысленно: «Wir fehlen alle mannigfaltig» можно понять и как «Все мы по-разному заблуждаемся», и как «У всех нас много разных недостатков». Ответ, конечно, смелый, и герцог имел все основания воспринимать его как дерзость. Но мы знаем, что герцог вовсе не был таким уж свирепым.

Н.В. Мотрошилова. Я уже прочитала строчку о том, что герцог даже трубку из окна выбросил — чтобы штифтлеры покурили. Он вел себя неоднозначно, этот герцог: с одной стороны, хотел закрутить гайки, а с другой стороны — с этими ребятами заигрывал. Дело в том, что время такое было: нельзя было просто приказывать и указывать. Ведь примерно в это время переписывается устав Штифта. Так, вино и курение не то чтобы совсем разрешаются, но и не совсем запрещаются. И курят, и пьют, как мы видим из дневника Гегеля. К герцогу это имеет отношение. Герцог тоже виляет.

П.В. Резвых. Да, герцог, конечно, лавировал. Обстановка в Штифте была наэлектризована именно потому, что все ждали обнародования новых уставов, надеясь, что они будут более либеральными.

Я думаю, Шеллингу эта история с подозрением в том, что он переводчик «Марсельезы», стоила больших нервов. Мы, к сожалению, об этом почти ничего не знаем. Ни в анналах репетиторов, ни в других университетских документах нет никаких следов, указывающих на обоснованность таких подозрений. Правда, надо учесть, что репетиторы (молодые преподаватели, рекрутировавшиеся из вчерашних студентов) наверняка были солидарны со штифтлерами и, скорее всего, отчасти их покрывали. Все они в один голос говорят: «Нет-нет, никаких беспорядков не было!». Тем не менее в документах есть свидетельства о том, что среди штифтлеров существовал некий клуб. Правда, о политике на его собраниях много не говорили, зато было немало религиозного свободомыслия — сравнивали Христа с Магометом, шутили на религиозные темы. На эти маленькие «ток-шоу» даже распространялись билеты для желающих [7, s. 172–173]. Ни о каких серьезных политических дискуссиях в этом клубе не сообщается, но я думаю, что здесь документы обо многом умалчивают. Во всяком случае, показательно, что отец Шеллинга в мае и в июне 1793 года счел необходимым специально написать два письма проректору Штифта Шнурреру, в которых он просит, чтобы к сыну отнеслись терпимо. Сообщая Шнурреру, что получил от сына два письма, в которых подробно описаны обстоятельства дела (мать Шеллинга сначала скрыла от отца эти письма, чтобы

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

зований во Франции до, во время и после Великой революции. И сразу же во весь рост поднимается сопредельная тема: а как с этим обстояло и обстоит дело у нас, в Германии? И надолго все это — Французская революция, ее радикальность, быстрота изменений — становится как бы укором, не столько для них самих, сколько для немецких условий.

Давайте вот эту сторону дела обсудим. Итак, Гегель уезжает учительствовать в Берн, потом перемещается во Франкфурт. А что Шеллинг в это время делает?

П.В. Резвых. Шеллинг пока еще в Штифте. В 1795 году он готовится к защите своей магистерской диссертации по теологии. Интересно, что и в этой диссертации, и в других текстах этого времени, где он пробует себя уже как философ, красной нитью проходят резкие высказывания об окружающей его ортодоксии. Юный Шеллинг весь пропитан идеями Просвещения. Он очень увлекается Лессингом, Гердером, занимается библейской критикой, и, поскольку Гегель далеко, они как раз в это время начинают вести интенсивную переписку.

Н.В. Мотрошилова. Да, эту переписку — я и студентам все время говорю — надо внимательно читать. Потому что в ней четко прослеживается: долгое время наши герои возвращаются к Французской революции, постоянно соотнося ее требования, ценности с тем состоянием Германии, которое они считают позорным. Что самое важное? Думаю, прежде всего, прояснение суждений о философии. Конечно, уже появляются настоящие кумиры — и интересна также тема, как наши герои воспринимают, усваивают, преобразуют философию Канта. Не надо забывать, что сам Кант — есть много тому свидетельств — высоко оценивает Французскую революцию, говоря: это революция талантливого народа. Я часто пишу и говорю вот о чем: считается, что термин «научная революция» — это слова нашего или прошлого века. И ошибочно, ведь эти слова — центральные в «Критике чистого разума», в ее предисловии. И вообще слово «революция» у них на устах, притом оно воспринимается очень позитивно. Вспомните, Кант говорит: «Научная революция только началась, когда...» — и приглашает к этому обсуждению. Не в это время, а немножко пораньше появляется знаменитое произведение Фихте «Попытка исправления суждения публики о Французской революции». Как ко всему этому относится Шеллинг?

П.В. Резвых. Конечно, и Гёльдерлин, и Шеллинг напрямую соприкасаются и с этой статьей, и с другими сочинениями Фихте. Гёльдерлин уезжает в Йену, где слушает лекции Фихте. Гегель в письме Шеллингу в конце января 1795 года пишет: «Гёльдерлин время от времени пишет мне из Иены [...]. Он слушает Фихте,

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

шего брата Луи, который решил отправиться в Париж, чтобы принять непосредственное участие в революционных событиях. Вот как Луи Кернер сообщил о своем намерении отцу: «Томиться в тюрьме этого теологического Штифта я более не желаю. Настало время, когда каждый является свободным гражданином мира. Я купил себе прочный ранец; я упакую в него сочинения Канта и пешком отправлюсь с ними в Париж. Если Вы что-нибудь имеете против, то Вы не понимаете духа времени. *Vive la liberte, vive la nation*»³.

Н.В. Мотрошилова. Насчет «духа времени» — можно прибавить к этому значение немецкой культуры, существовавшей перед Французской революцией. О чем были заботы Шиллера? Наши мальчики еще в Штифте, а некоторые знаменитые немцы, как упоминалось, едут в Париж. Например, среди них был поэт Клопшток. Он — среди известных людей, которых отличили как героев Французской революции.

П.В. Резвых. Тем из вас, кто читал «Страдания юного Вертера», напомню, что именно Клопштока цитирует Вертер, разговаривая с Лоттой, так что Клопшток, конечно, одна из ключевых фигур для этого поколения.

Н.В. Мотрошилова. Да, это ключевая фигура. А вот Гёте рассказывал о том, что происходило в их семье... Отец Гёте Клопштока осуждал, а Гёте и его сестра горячо одобряли. В целом ряде семей происходили конкретные размежевания вокруг событий, связанных с революцией в соседней Франции.

П.В. Резвых. В семье Кернеров было то же самое, потому что отец был крупным чиновником и придерживался, в общем, консервативных воззрений, а самый старший из сыновей, Георг Кернер, который потом стал секретарем Райнхарда (с Шеллингом они, кстати, были очень дружны), напротив, был убежденным республиканцем, и у них в течение долгого времени были в связи с этим конфликты внутри семьи.

Н.В. Мотрошилова. Нам сегодня нужно совершенно конкретно принять во внимание всю эту массу умонастроений. Я бы еще прибавила вот какой момент. Бывают такие времена истории, когда «плотность гениальности духа» на один квадратный километр какого-нибудь места просто зашкаливает.

Один пример — это произошло немного позже, в начале XIX века (тоже при жизни Гегеля). Один человек — он старший брат — получает письмо от младшего брата, который собирается приехать в Йену (это уже относится к йенскому периоду). Брат сообщает об этом своему соседу, а сосед приглашает своего друга. Они ждут, когда прискачет на лошади младший брат. Потом старший брат пишет в своем дневнике: обедали у нас, ужинали у соседа. Это был бы просто бытовой факт, если бы старшего брата не звали Вильгельм фон Гумбольдт; а младшим

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

³ Цит. по:
[12, s. 599].

Болдырева, но сама попытка Гегеля что-то поэтическое предложить Гёльдерлину — она, конечно, наивная и, как мне кажется, совсем неумелая.

Нежная это была дружба, которая во франкфуртский период воплотилась в большой философской работе. Во-первых, темой были греческие истоки европейской культуры. Это была очень критическая, кстати, работа по отношению к грекам со стороны Гегеля. Гёльдерлин же изнывал от любви к грекам... В общем, он всем существом переживал любовь, и в конце концов от любви к одной женщине сошел с ума... И там же, в Тюбингене, Гёльдерлин в одной башне — после неудачного романа с Сюжеттой Гонтар — провел много лет (уже после смерти Гегеля закончилась его жизнь). Гегеля упрекали в том, что он не навещал друга в этой башне. Гегель в этом, может быть, виноват. Но у него было свое оправдание: его собственная сестра страдала слабоумием (хотя она пережила брата). Вот Гегель и боялся — для себя — близости с людьми, так сказать, с нестабильной психикой. Все же я считаю, что Гегель любил Гёльдерлина не только потому, что он был студенческий друг, но действительно обожал его как особую личность. А личностью Гёльдерлин был очень светлой. Я все время говорю студентам и сейчас еще раз хочу сказать: обязательно надо изучать самого Гёльдерлина как философа, ибо в его творчестве есть немало интересных философских срезом — рассуждения о духе, о культуре, о свободе... А тему я хочу закончить вот таким важным тезисом. Было главное слово, которое связывало немецкую культуру с Французской революцией, это слово — свобода. Теперь мы, может быть, Петр Владиславович, перейдем к более поздним темам нашего цикла — если Вы тоже, как я, разделяете мысль о том, что от этого периода идет много стрел к более позднему периоду творчества Гегеля и Шеллинга...

П.В. Резвых. Безусловно! Я тоже считаю, что очень многие ключевые вещи для них обоих были заложены именно в то время...

Н.В. Мотрошилова. Свобода и братство — но ни в коем случае не равенство! Гегель — горячий противник равенства. Он будет доказывать эту мысль и потом (более конкретно, например, в философии права). Он будет рассуждать очень просто и реалистично. Гегель скажет: свобода, да, за нее надо бороться. И все социально-философские дисциплины обязательно должны разъяснять, как реализуема свобода и в чем она реализуема. То есть свобода — ценность всех ценностей. Притом для философии права это не так элементарно: ведь право — совокупность законов, которые и обязывают, наказывают, — но и тут у Гегеля главное все равно есть свобода. О равенстве же он рассуждает очень просто (в «Философии права» и в других местах); Гегель говорит: скажем, вы учреждаете равенство... Но через 5 минут, через 5 лет и так далее оно обязательно выльется в неравенство.

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

каждая вновь появившаяся значительная работа сразу становилась предметом обсуждения) и, помимо всего прочего, явно проецирует на древнегреческий материал идейные конфликты своего времени, изображая Платона поборником истины, находящимся в окружении враждебных догматиков. Во времена Платона, пишет юный Шеллинг, празднует свой триумф «насмешка привилегированных учителей над инакомыслящими, не имеющими за собою никакой иной власти, кроме власти истины или, по меньшей мере, власти убеждения, и при ежедневном лицемерии господства таких положений, которые, по их добросовестному убеждению, ложны, дух этих инакомыслящих и без того достаточно [унижен], чтобы еще было нужно втаптывать его в пыль глумливым настаиванием на своих привилегиях» [19, s. 26]. Шеллинг представляет здесь Платона революционным мыслителем, который противостоит ретроgrадам, но еще не может открыто выступить на борьбу с ними. Такое восприятие древнегреческой философии во многом определяет и его первые самостоятельные шаги в философии. С самого начала, уже в первых программных философских высказываниях, Шеллинг выступает с мощной риторикой свободы. В предисловии к своему первому значительному философскому сочинению «О Я как принципе философии, или О безусловном в человеческом знании» Шеллинг заявляет о цели своего предприятия: «Замысел направлен не просто на реформу науки, но на полный переворот принципов, т.е. на их революцию, которую можно рассматривать как вторую революцию, возможную в области философии» [15, s. 77]. Чуть ниже он говорит, что революция в человеке должна исходить от сознания им своей сущности: «[...] человек становится великим по мере того, как узнает себя и свою силу. Дайте человеку сознание того, что он есть, и он быстро научится тому, чем он должен быть; дайте ему теоретическое уважение к самому себе, и практическое скоро последует» [ibid., s. 77–78]. Критику в свой адрес со стороны консервативных философов, выступивших с нападками на этот трактат во «Всеобщей литературной газете», он в 1796 году парирует такой замечательной формулировкой: «У автора была только одна цель: освободить философию от паралича [...] доказать, что истинная философия может начинаться только свободными действиями [...] Считая философию чистым продуктом свободного человека, он полагает, что имеет более высокое понятие о ней, нежели иные плаксивые философы, которые выводили из несогласия между своими коллегами ужасы Французской революции и все несчастья человечества [...] Он полагает, что человек рожден для действия, а не для размышления, и что его первый шаг в философии тоже должен возвестить прибытие свободного существа [...]» [16, s. 192–193]. Заметьте, о сетованиях на «ужасы Французской революции» Шеллинг говорит здесь с явной иро-

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

Я слушала его и думала: «Боже мой, что же оно мне так напоминает?». А потом я поняла: «Феноменологию духа»! Потому, что большая часть «Феноменологии духа» — это рассказ о раскладе сил и об основных фигурах в виде таких именно гештальтов, выступавших на сцене революции. Гегель как бы даже и предполагал, что в духовной сфере при сходстве исторических событий многое может повториться. Почему? Потому что — с его точки зрения — есть сходные по стилю силы революции. Некоторые из них проявляются в действиях тех или иных персонажей, партий, групп. Когда стали читать Солженицына, перед нами предстал царь (а во Франции — король и его свита). Все так похоже... Гегель задумал использовать такое сходство соответственно повторению истории. Он хотел писать не просто о Французской революции, но об основных гештальтах духа там и тогда, когда бунтует народ, который хочет свободы.

Есть правящая клика, какие-то группы — там и тут они будут как бы повторяться. У Солженицына — идентичный разгром этих групп: говорится об их бездеятельности, отсутствии того, что они призваны совершить. И, кстати, о бездарности самого главного лица, которого потом просто казнят... Поразительное это сходство; когда я это слушала, вспоминала о гештальтах у Гегеля. Он сжато рассказал о том, как возникает революционное брожение, как появляются люди, которые раскачивают государственную лодку. Повествовал о том, что они делают, как они сплываются (ближайшие к «трону» сановники). Например, есть «доблестные защитники трона», «мушкетеры» XIX века; есть чиновничество, которое должно делать нечто, но не делает; есть просто корыстные люди. В общем, имеется группировка позиций — по сути, весь расклад борьбы за свободу или против нее.

Одна потрясающая тема «Феноменологии духа» — вечная тема террора. Вспомните — есть у Гегеля такой образ времен, когда смерть выступает не в каких-то своих более-менее нормальных обликах, когда ее можно принимать или не принимать, а в совсем других. Бывают времена, когда отрубить голову — все равно, что разрубить кочан капусты... По ассоциации с гильотинной выступает четкий социальный сценарий террора. Я все время думала, Петр Владиславович, о том, что нам надо побудить студентов как-нибудь разыграть это настоящее сценическое действо... О том, как распространяются призывы к свободе, и о трагической доле людей, искренне борющихся за свободу. Получится ведь трансисторическая картина! Все это уже зафиксировал Гегель в «Феноменологии духа», в частности, применительно к Французской революции. Но я заняла уже много времени и теперь хочу передать Вам, Петр Владиславович, слово. Пожалуйста, расскажите о более позднем Шеллинге — и, соответственно, о теме Французской революции.

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

ры приходят к нему в дом. Между прочим, пожить там было нечем; сумка, конечно, их не интересовала. Ну там бумаги какие-то... Хотя вообще-то, если бы их кто-то украл...

П.В. Резвых. Ну, если бы эти бумаги сохранились, возможно, мы были бы им даже благодарны. Исследователи много отдали бы за возможность увидеть рукопись «Феноменологии духа»... Мне кажется, интересно, что связка «революция и философия», которая для наших героев, конечно, все время оставалась значимой, сохраняет свое значение и в контексте критического восприятия революции. Оно критическое одновременно и в политическом, и в философском отношении. Ведь и Шеллинг, и Гегель, насколько я понимаю, так или иначе рассматривают это развитие как вытекающее из логики того, что они называют Просвещением. У Гегеля это отчетливо видно в «Феноменологии духа», а у Шеллинга явственно прослеживается в его лекциях о методе академических занятий, которые он читает уже в 1800–1801 годах, причем здесь эта тема критики Просвещения оказывается тесно переплетена с другой сложной и болезненной темой — с немецко-французским культурно-политическим агонем, постоянным состязанием и соперничеством между Францией и Германией.

Н.В. Мотрошилова. Петр Владиславович, я добавила бы вот что: многие известные немцы переусердствовали, подчеркивая, что Франция обогнала Германию. Я приведу такой очень малоизвестный факт. Эта как будто бы отставшая Германия — в лице некоторых реформаторов — вообще где-то в 1805 году... отменяет крепостное право! Не создавая большого шума, несколько немецких чиновников разработали проект отмены крепостного права! Барон фон Штайн был составителем этого проекта — правда, частичного. Но там было довольно много поистине радикальных пунктов, удивительных (свободы для крестьян и т.д.).

П.В. Резвых. Да, я согласен. Из числа вюртембергских друзей Шеллинга впоследствии вышло немало прогрессивных политиков, проводивших, например, важные образовательные реформы. Но я хотел бы вернуться к теме связи Просвещения и революции. Для Шеллинга и Гегеля важно, что перерождение стремления утвердить всеобщую свободу в разгул беспощадного террора связано вовсе не с какими-то случайными историческими обстоятельствами. Оно обусловлено неумолимой логикой тех понятий, которые положены в основу этой практики. Показательно, что и Шеллинг, и Гегель говорят о недостаточности пустого абстрактного рассудка для разрешения тех проблем, которые стремилась решить революция. Шеллинг в 1800–1801 годах в «Лекциях о методе академических занятий», говоря о французах как о нации, которая «в эпоху, предшествовавшую революции, не имела философов», подчеркивает, что вовсе не случайно «именно она явила

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

пиетизм. В контексте этой традиции чрезвычайно важна идея «исторических фаз откровения» — представление, что откровение последовательно раскрывается в истории всякий раз в новых формах. Шеллинг и Гегель были с ней хорошо знакомы. Поэтому они видели во Французской революции, разумеется, не только политическое событие, но и событие гигантского религиозно-исторического значения.

Н.В. Мотрошилова. Это был уже совершенно другой социально-исторический контекст.

П.В. Резвых. Да, конечно. Я уже говорил о том, что главное дело того поколения в философии, которое мы связываем с немецким идеализмом, — это борьба за более широко и многомерно понятую рациональность. Центральный вопрос всего шеллинговского творчества, разработка которого достигает своей кульминации в работах 1810-х годов, — это вопрос о том, как возможна философия, не жертвующая ни рациональностью во имя свободы, ни свободой во имя рациональности. Как удержать и то и другое в одном видении мира? Для этого требуется, чтобы были по-новому переосмыслены и понятие свободы, и понятие рациональности (как устроен разум человека, чем он отличается от рассудка, и т.п.). О том, что эта тематика уже в самый ранний период была общей для Шеллинга и Гегеля, свидетельствует один уникальный документ, о котором мы сегодня еще не говорили. Это небольшой текст, известный исследователям как «Первая программа системы немецкого идеализма».

Н.В. Мотрошилова. Неизвестно, кто его написал.

П.В. Резвых. Да, мы действительно не знаем, кто его написал. Точнее, физически он написан рукой Гегеля, но, судя по содержанию, в составлении его принимали участие и Гёльдерлин, и Шеллинг, и, возможно, другие молодые штифтлеры. Сложенный четверо лист бумаги, исписанный с двух сторон гегелевским почерком, неожиданно всплыл в 1913 году на аукционе рукописей, тут же был через посредников приобретен Прусской государственной библиотекой, а в 1917 году философ Франц Розенцвейг опубликовал его под заголовком «Первая программа системы немецкого идеализма». Какова была сравнительная доля участия Гегеля и Шеллинга в создании этого текста, точно определить невозможно, но он отражает разделявшееся ими общее умонастроение кружка. Этот потрясающий текст доступен в прекрасном русском переводе [2, с. 211–213], поэтому я не буду его здесь цитировать и подробно разбирать. Скажу только, что в нем действительно содержится программа формирования нового мировоззрения, в центре которой — представление о том, что для формирования нового общества недостаточно только рациональных средств. Там выдвигается идея создания новой мифологии,

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

конечно, инициатива Шеллинга. Но остается вот какой вопрос, который меня особо интересует. Действительно ли разошлись их идеи, в том числе применительно к Французской революции? Ответьте на этот вопрос, Петр Владиславович!

П.В. Резвых. На мой взгляд, несмотря на резкий разрыв в 1807 году, внутренние связи все же сохранялись. Правда, общаться было сложно. Есть замечательное свидетельство самого Шеллинга (его приводит А.В. Гулыга в своей книге) о том, как однажды, спустя много лет после этой ссоры, они лично встретились с Гегелем на водном курорте в Карлсбаде. Шеллинг пишет жене: «Так как мы не касались научных вопросов, чего я постараюсь не допустить, и так как он очень ловкий человек, то я провел несколько вечерних часов вместе с ним за интересной беседой» [5, с. 245]. Они явно избегали обсуждения болезненных вопросов. Конечно, Шеллинг очень обиделся на предисловие к «Феноменологии духа». Но, несмотря на это, начиная с 1812 года, с выхода первого тома «Науки логики», он очень пристально следит за гегелевским развитием и все время ищет возможность каким-то образом нащупать точки соприкосновения. Об этом свидетельствуют тексты, написанные в период затворничества (1809–1821), прежде всего материалы к трактату «Мировые эпохи». Здесь он много размышляет о диалектике, о недостаточности абстрактно-формального рассудочного мышления. Он отчасти воспринимает гегелевскую критику интеллектуального созерцания; в «Мировых эпохах» прямо так и говорится: да, созерцания недостаточно, нужно диалектическое опосредование. Это, впрочем, не значит, что оно должно происходить по тем лекалам, которые предлагает Гегель. Шеллинг продолжает интенсивный диалог с гегелевской философией. При этом, несмотря на публичную полемику против Гегеля, он мне кажется, все-таки внутренне ощущает Гегеля если и соперником, то все же в каком-то очень важном общем деле, и эта общая почва остается все-таки для него более важной, несмотря на болезненность ситуации. Думаю, это по-человечески очень понятно: ведь нас больше всего ранят самые близкие. Впрочем, и радуют, конечно, тоже они.

Вопрос из зала. Вы говорили в связи с революционной формулой «Свобода, равенство, братство» о критическом отношении Шеллинга и Гегеля к идее равенства. А как на это смотрел Гёльдерлин?

Об отношении Гёльдерлина к лозунгам революции судить сложнее. Сохранившиеся от него философские тексты (фрагмент «Суждение и бытие», письма, в которых он комментирует учение Фихте и дает некоторые важные ремарки относительно Руссо) посвящены фундаментальным теоретико-познавательным вопросам, а не политическим, углубляться в анализ поэтических текстов мы здесь не можем. Замечательный немецко- и англо-

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

Гёльдерлина. А когда Гёльдерлин писал свой роман «Гиперион», то он, как кто-то определил, «изнывал от любви к Греции». Он не просто Грецию любил — ему хотелось жить и дышать Грецией, причем древней, выдуманной. Такой человек был Гёльдерлин; поэтому не думаю, что уместна вообще такая фигура речи: что кто-то мог «воспитывать» Гёльдерлина. Во всяком случае, у Гегеля этого мотива нет. Он понимал, что здесь — совершенно не тот случай, а был случай — любить, обожать, признавать друга как особого гения. Одним словом, это огромная нежность к другу и ощущение его хрупкости (его можно чем-то обидеть, его можно потерять).

П.В. Резвых. Вы правы, это трепетное отношение к Гёльдерлину в кружке было общим. Видно, что в вопросах, касающихся Гёльдерлина, они понимают друг друга с полуслова. Например, когда Шеллинг в одном из писем к Гегелю хочет осведомиться на этот счет, он просто пишет «Гёльдерлин?».

Н.В. Мотрошилова. Вот и все!

П.В. Резвых. Да, больше даже и говорить ничего не нужно! Все понимают, чем они обеспокоены и почему об этом нужно спрашивать.

Н.В. Мотрошилова. Спасибо Вам огромное, что Вы пришли!

Н.В. Мотрошилова,
П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции

Литература

1. Быкова М.Ф. Гегель: Штрихи к портрету (Размышления о личности молодого Гегеля) // Историко-философский ежегодник, 1993. М.: Наука, 1994. С. 62–63.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
4. Гёльдерлин Ф. Сочинения. М.: Художественная литература, 1969.
5. Гулыга А.В. Шеллинг. М.: Молодая гвардия, 1984.
6. Шеллинг Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1989. Gegel G.W.F. Raboty raznyh let. T. 1 [Works from various years. Vol. 1] Moscow, 1970. (In Russian)
7. Frank M., Kurz G. (Hg.) Materialien zu Schellings phgilosophischen Anfängen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975.
8. Hölderlin F. Sämtliche Werke, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 1.1. Stuttgart: Kohlhammer, 1946.
9. Hölderlin F. Sämtliche Werke, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 4.1. Stuttgart: Kohlhammer, 1961.
10. Hölderlin F. Sämtliche Werke, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 6.1. Stuttgart: Kohlhammer, 1954.
11. Hölderlin F. Sämtliche Werke, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 7.1. Stuttgart: Kohlhammer, 1968.
12. Kondylis P. Die Entstehung der Dialektik. Eine Analyse der europäischen Aufklärung und der geistigen Entwicklung von Hölderlin, Schelling und Hegel bis 1802. Inaugural-Dissertation. Heidelberg, 1977.
13. Koschlig-Wiem I. Ein unbekannter Brief Schellings aus Gustav Schwabs Nachlaß // Hölderlin-Jahrbuch 3 (1948/49), Tübingen, 1949.
14. Plitt G. (Hg.). Aus Schellings Leben. In Briefen. Bd. 1. Leipzig: Hirzel, 1869.

References

1. Bykova M. Gegel: shtrihi k portretu (Razmyshleiniya o lichnosti mladogo Gegelja [Hegel: strokes to a portrait (Reflections on the person of the young Hegel)]) *Istoriko-filosofskij ezegodnik* [Yearbook of history of philosophy] 1993. Moscow: Nauka Publ., 1994. P. 62–63.
2. Gegel G.W.F. *Raboty raznuh let. Vol. 1.* [Works from various years. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1970.
3. Gegel G.W.F. *Raboty raznuh let. Vol. 2.* [Works from various years. Vol. 2]. Moscow. 1971.
4. Gelderlin F. *Sochineniya* [Works]. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1969.
5. Gulyga A.V. *Schelling*. Moscow. Molodaya Gvardia Publ., 1984.
6. Frank M., Kurz G. (Hg.) *Materialien zu Schellings phgilosophischen Anfängen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1975.
7. Hölderlin F. *Sämtliche Werke*, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 1.1. Stuttgart: Kohlhammer. 1946.
8. Hölderlin F. *Sämtliche Werke*, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 4.1 Stuttgart: Kohlhammer. 1961.
9. Hölderlin F. *Sämtliche Werke*, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 6.1. Stuttgart: Kohlhammer. 1954.
10. Hölderlin F. *Sämtliche Werke*, hg. v. F. Beißner, A. Beck und U. Oelmann. Bd. 7.1. Stuttgart: Kohlhammer. 1968.
11. Kondylis P. *Die Entstehung der Dialektik. Eine Analyse der europäischen Aufklärung und der geistigen Entwicklung von Hölderlin, Schelling und Hegel bis 1802*. Inaugural-Dissertation. Heidelberg, 1977.
12. Koschlig-Wiem I. Ein unbekannter Brief Schellings aus Gustav Schwabs Nachlaß. *Hölderlin-Jahrbuch* 3 (1948/49), Tübingen. 1949.
13. Plitt G. (Hg.). *Aus Schellings Leben. In Briefen*. Bd. 1. Leipzig: Hirzel, 1869.
14. Schelling F.W.J. *Historisch-kritische Ausgabe*. Bd. I, 2. Hg. v. H. Buchner u. J. Jantzen. Stuttgart: Fromann-Holzboog, 1980.
15. Schelling F.W.J. *Historisch-kritische Ausgabe*. Bd. I, 3. Hg. v. H. Buchner, W. Jacobs und A. Pieper. Stuttgart: Fromann-Holzboog, 1982.
16. Schelling F.W.J. *Historisch-kritische Ausgabe*. Bd. III, 1. Briefwechsel 1786–1799. Hg. v. I. Möller u. W. Schieche. Stuttgart: Fromann-Holzboog, 2001.
17. Schelling F.W.J. *Sämtliche Werke*. Abt. I. Bd.V. Stuttgart — Augsburg: Cotta, 1859.
18. Schelling F. *Sochineniya*. T. 2. [Works. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 1989 (In Russian).
19. Schelling F.W.J. *Timaeus*. Hg. v. H. Buchner. Stuttgart: Fromann-Holzboog, 1994.
20. Tilliette X. (Hg.). *Schelling im Spiegel seiner Zeitgenossen*. Torino: Bottega D'Erasmus, 1974.

Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых
Гегель и Шеллинг:
осмысление
Французской
революции